

НАШИ ГОСТИ

Ю.В. Латов, старший научный сотрудник
НИО Академии управления МВД России,
кандидат экономических наук, доцент;
В.П. Кунцевич, старший преподаватель ка-
федры экономико-правовых дисциплин Ака-
демии МВД Республики Беларусь

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ КОРРУПЦИЯ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ КАК ФАКТОР НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Коррупция как одна из составляющих теневой экономической деятельности препятствует формированию эффективных национальных моделей развития экономики в постсоветских странах, в том числе в России и Беларуси, тормозит развитие конкурентных отношений. В то же время конкуренция, являясь базовым институтом рыночного хозяйства, способствует его развитию. Акцентируя внимание на коррупции как факторе недобросовестной конкуренции, определяется типология коррупционных отношений, их интерпретация через призму стратегий конкуренции. Раскрыты тенденции развития коррупции в постсоветских России и Беларуси с учетом международных сопоставлений и использованием криминологической статистики указанных стран. Анализ данных о динамике коррупции в России и Беларуси начала XXI в. свидетельствует, что борьба органов внутренних дел либо отстает от роста коррупции (в России), либо недостаточно эффективна (в Беларуси).

Среди экономистов давно идут споры, какие институты являются наиболее важными для рыночного хозяйства, в решающей степени влияя на его социально-экономическую эффективность. Одни считают таким институтом рынок труда (К. Маркс), другие – хозяйственную этику (М. Вебер), третьи – экономическую свободу (Э. де Сото), четвертые – защиту прав частной собственности (Д. Норт), пятые – конфигурацию мир-экономики (И. Валлерстайн). Все эти подходы можно интегрировать, назвав базовым институтом рыночного хозяйства конкуренцию – соревнование между участниками рыночного хозяйства за лучшие условия купли-продажи товаров. Это соперничество является главным стимулом совершенствования производства путем внедрения нововведений и расширения масштабов производства. Конкуренция выполняет роль механизма селекции участников рынка: более эффективные остаются, менее эффективные уходят.

Идеальному рыночному хозяйству соответствует модель совершенной конкуренции, соответствующая следующим условиям:

- полная свобода действий участников товарного производства – неограниченный доступ любого товаропроизводителя на рынок и выход из него, абсолютно самостоятельное принятие хозяйственных решений;

- множественность участников товарного производства – продавцов и покупателей так много, что ни один из них не может сколько-нибудь существенно влиять на уровень рыночных цен;

- полное знание участниками рыночных сделок всей информации о рынке.

Выполнение всех этих условий является, скорее, исключением, чем правилом. Однако чем более условия на реальных рынках будут приближаться к идеальным, тем более эффективным будет рыночное хозяйство, поэтому государство, осуществляя правовое регулирование экономики, стремится установить нормы совершенной конкуренции: законодательство о защите имущественных прав защищает самостоятельность участников рынка, антимонопольное законодательство регулирует число участников и методы конкурентной борьбы, законодательство о рекламе и качестве товаров позволяет покупателю получать более полную информацию и т. д.

Однако есть факты недобросовестной конкуренции, когда участники рынка нарушают общепринятые «правила игры», закрепленные в законодательных нормах. В современном российском законодательстве недобросовестную конкуренцию определяют как любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или

могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам-конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации [5]. В федеральном законе «О защите конкуренции» перечислены некоторые виды недобросовестной конкуренции: распространение ложных, неточных или искаженных сведений; введение покупателя в заблуждение; некорректное сравнение хозяйствующим субъектом своих товаров с товарами других хозяйствующих субъектов; незаконное использование интеллектуальной собственности; незаконное использование информации, составляющей коммерческую, служебную или иную охраняемую законом тайну.

Определение недобросовестной конкуренции во многом пересекается с понятием теневой экономической деятельности, которую можно рассматривать как один из «антифакторов» совершенной конкуренции. Теневые экономические отношения чаще всего становятся разновидностью той конкуренции, когда идет борьба за цену, а не за качество товара. Так, контрафактное производство снижает издержки маркетинга и расходы приобретения прав на использование интеллектуальной собственности, неформальная занятость (включая использование труда нелегальных мигрантов) позволяет экономить на оплате труда, уклонение от налогов сокращает фискальные расходы, услуги рэкетиров влияют на издержки защиты прав собственности и т. д. Все эти методы конкуренции относят к недобросовестным, поскольку они ведут не к увеличению общего благосостояния, а к его перераспределению в пользу нарушителей общепринятых правил.

Одним из факторов недобросовестной конкуренции является коррупция. Мы рассматривали только злоупотребления, совершаемые представителями государственной власти, – государственную и политическую коррупцию. Анализируя коррупцию как фактор недобросовестной конкуренции в России и Беларуси, мы установили следующие особенности:

- 1) институциональный характер коррупционных отношений [7];
- 2) активное вымогательство со стороны чиновников и политиков, которые не столько «поддаются» подкупу, сколько сами становятся инициаторами коррупции (вымогателями);
- 3) превалирование предпринимательских взяток, когда предприниматель использует взятку как инструмент конкурентной борьбы.

Если интерпретировать участие предпринимателей в коррупционных отношениях сквозь призму выделенных А.И. Юдановым стратегий конкуренции, то коррупцию можно связать как с силовой, так и с нишевой стратегиями [10]. С одной стороны, систематическая коррупция превращается в дополнительное налогообложение предпринимателей, повышая себестоимость их товаров. В результате в лучших условиях оказываются производители тех регионов и стран, где коррумпированность ниже. Ведь свободные от коррупционных поборов фирмы могут при прочих равных продавать свой товар по более низкой цене, применяя классическую силовую стратегию. Следовательно, конкурентные преимущества получают те, кто меньше участвует в коррупции. Не случайно в мировом бизнесе лидируют фирмы США и Великобритании – стран, где уровень коррупции считается одним из самых низких в мире. Среди стран третьего мира новыми индустриальными становятся государства, которым удается минимизировать коррупцию (например, Сингапур и Гонконг). С другой стороны, взятки чиновникам, ответственным за принятие ответственных решений (например, при распределении госзаказов), можно рассматривать как форму создания особой рыночной ниши – ограниченного круга потребителей, вынужденных покупать товары именно фирмы-взятодателя. При систематической коррупции на рынок допускаются только те, кто дает взятки, честные производители теряют доступ к покупателю, даже если их товар лучше. Этот механизм ведет к тому, что некоторые фирмы получают конкурентные преимущества и выгоду за счет коррупции.

Конкурентные преимущества тех, кто не участвует в коррупции, заметны при сравнении фирм разных регионов и стран. Это значит, например, что высокая коррупция в России позволяет отечественным предпринимателям ограничивать доступ в страну иностранных фирм, которым трудно вписаться в институциональную коррупцию. В результате Россия страдает от нехватки зарубежных инвестиций и практического знакомства с зарубежной культурой эффективной конкуренции. Сквозь коррупционный «занавес» пробиваются не самые эффективные, а самые непритязательные зарубежные фирмы, которые стремятся к быстрой прибыли и не намерены честно соблюдать рыночные правила игры. В то же время российским фирмам трудно выходить на мировой рынок, поскольку коррупционная «наценка» на дешёвые российские товары мешает реализовать их конкурентные преимущества.

Наиболее негативной чертой коррупции в России 1990-х гг. исследователи считают не столько высокую интенсивность вымогательства, сколько его децентрализованный характер. Если, например, в Китае или Индонезии предпринимателю достаточно подкупить нескольких высокопоставленных

администраторов, то в России приходилось платить поборы не только им, но и массе «мелких начальников» (типа санитарных и налоговых инспекторов).

В 2002 г. работники Европейского банка реконструкции и развития и Всемирного банка проинтервьюировали менеджеров нескольких тысяч фирм в 26 посткоммунистических странах, включая Россию. Этот опрос был продолжением исследования, проведенного в 1999 г. Респондентам задавали вопросы о различных типах «неофициальных платежей», уплата которых необходима для нормальной деловой деятельности [8]. Чтобы выяснить частоту неофициальных платежей, респондентам предлагали оценить истинность высказывания «В моей сфере бизнеса необходимо делать некоторые дополнительные платежи», выбрав один из предложенных вариантов ответа: «всегда», «обычно», «часто», «иногда», «редко» или «никогда». Доля тех, кто выбирал ответы «всегда», «обычно» и «часто», определяла частоту коррупции. Этот показатель сильно различался в разных странах — от 44 % в Кыргызстане и 39 % в России до 7 % в Словении и 12 % в Эстонии. Частота коррупции в России оказалась заметно выше среднего уровня постсоциалистических стран в целом и имеет тенденцию к росту, причем за 1999–2002 гг. она выросла значительно больше, чем в других постсоциалистических странах. Таким образом, предпринимательская коррупция в современной России действительно институциональна (систематична) — $\frac{2}{5}$ предпринимателей признают неизбежность взяток.

Для измерения величины «неофициальных платежей» респондентам задавали вопрос «Каков в среднем процент от ежегодной суммы продаж фирмы, подобные вашим, обычно платят в качестве неофициальных платежей должностным лицам?». В результате были получены оценки бремени коррупции как процента от валовых доходов типичной фирмы, уходящего на неофициальные платежи. Данный показатель варьировался от 3,7 % в Кыргызстане до 0,3 % в Эстонии. Такие платежи составляли в среднем примерно 1,5 %. Россия относится по данному показателю к разряду стран со средним (среди посткоммунистических стран) уровнем бремени коррупции. Тяжесть коррупции в России в 1999–2002 гг. снизилась с 3,8 % до 1,4 %. Если отмеченные зарубежными исследователями тенденции устойчивы, то перспективы развития российской экономики относительно благоприятны. Даже если растет частота коррупции, то снижение ее бремени уменьшает неблагоприятное влияние коррупции на деятельность бизнеса.

Исследование, проведенное в 2001 г. фондом «Информатика для демократии» (ИНДЕМ), показало, что на взятки в России ежегодно тратят около 37 млрд долларов (примерно 34 млрд — взятки в сфере бизнеса, 3 млрд — бытовая коррупция), что почти равно половине доходов госбюджета страны в 2002 г. [11]. В 2005 г. они повторили исследование и дали заключение, что за четыре года сумма взяток в сфере бытовой коррупции почти не изменилась. Зато в сфере деловой коррупции общая сумма взяток за четыре года выросла в девять раз (с поправкой на инфляцию — примерно в семь раз), до 314 млрд рублей, причем взятки регулярно платят примерно 80 % всех фирм [9, с. 118–119].

Для сравнения отметим, что в этот период криминологическая статистика (табл. 1, 2) фиксирует рост преступлений в 2001–2005 гг., связанных с получением и дачей взяток, примерно на 20–30 % [3, с. 72, 73]. Разрыв между высоким ростом коррупции (по оценке ИНДЕМ) и низким ростом зарегистрированных преступлений (по официальным данным) может свидетельствовать как о завышенности оценки уровня коррупции, так и об отставании совершенствования деятельности правоохранительных органов от потребностей практики. Почти все российские криминологи соглашаются, что латентность коррупционных преступлений в современной России высока (по мнению В.В. Лунеева, из коррупционных преступлений «у нас регистрируется... около тысячной части» [2, с. 64]).

Таблица 1

Криминологическая статистика по делам о получении взяток (ст. 290 УК России)

Год	Зарегистрировано преступлений		Преступления, совершенные расследованьем		Выявлено лиц, совершивших преступления		Привлечено лиц к уголовной ответственности	Доля от выявленных лиц	Число осужденных по основной и дополнительной квалификации
	Абсолютный показатель	Прирост ¹ , %	Абсолютный показатель	Прирост, %	Абсолютный показатель	Прирост, %			
2001	4 797	342,64	3 903	400,31	1 674	233,47	1 353	80,82	891
2002	4 553	325,21	3 907	400,72	1 664	232,08	1 173	70,49	1 011
2003	4 425	316,07	3 657	375,08	1 726	240,23	1 329	76,99	979
2004	5 273	376,64	4 697	481,74	1 925	268,48	1 688	87,69	1 237
2005	5 720	408,57	5 058	518,76	1 983	276,57	—	—	1 450

¹ За абсолютный показатель (100 %) взяты данные 1990 г.

Криминологическая статистика по делам о даче взятки (ст. 291 УК России)

Год	Зарегистрировано преступлений		Преступления, завершенные расследованием		Выявлено лиц, совершивших преступления		Привлечено лиц к уголовной ответственности	Доля от выявленных лиц	Число осужденных по основной и дополнительной квалификации
	Абсолютный показатель	Прирост, %	Абсолютный показатель	Прирост, %	Абсолютный показатель	Прирост, %			
2001	3 112	254,46	2 725	279,77	2 022	265,01	1 237	61,18	719
2002	2 758	225,51	2 607	267,66	2 132	279,43	1 223	57,36	1 097
2003	2 921	238,84	2 661	273,20	2 213	290,04	1 494	67,51	1 301
2004	3 655	298,86	3 419	351,01	2 684	351,77	2 037	75,89	1 707
2005	4 101	335,32	3 772	387,27	3 126	409,69	—	—	2 263

Примечание. За 11 месяцев 2006 г. правоохранительными органами РФ выявлено 10 488 преступлений по ст. 290, 291 УК РФ.

До 2000 г. в России коррупция была децентрализованной (как в странах Африки), в последующем она приобрела более централизованный характер (как в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии) [4]. Опыт зарубежных стран показывает, что при централизованной коррупции предприниматели снижают издержки поиска «доброжелательного отношения» государственных менеджеров, что улучшает условия бизнеса [6], но следует учитывать, что более централизованная коррупция обычно и более институционализирована. При централизованности коррупции борьба с нею ведется формально либо вырождается в противостояние «молодых» коррупционеров со «старыми».

В Республике Беларусь в постсоветский период уровень коррупции также имеет тенденцию к росту. Об этом свидетельствует, например, динамика индекса восприятия коррупции. Согласно исследованиям международной организации «Трансперенси интернэшнл», в международном рейтинге индекса восприятия коррупции Беларусь переместилась с 66-го места в 2002 г. на 107-е место в 2005 г. (табл. 3), она признана менее коррумпированной страной, чем Россия. Однако если обратить внимание на многолетнюю динамику, то ситуация представляется весьма опасной. Ведь индекс коррумпированности России относительно стабилен, меняется из года в год незначительно. В Беларуси же в 2003–2005 гг. произошло резкое падение этого индекса.

Таблица 3

Индексы восприятия коррупции для некоторых стран мира

Страна	Год				
	1995	1999	2003	2004	2005
Высокоразвитые страны					
Дания	9,3	10,0	9,5	9,5	9,5
Швеция	8,9	9,4	9,3	9,2	9,2
Канада	8,9	9,2	8,7	8,5	8,4
Великобритания	8,6	8,6	8,7	8,6	8,6
Германия	8,1	8,0	7,7	8,2	8,2
США	7,8	7,5	7,5	7,5	7,6
Япония	6,7	6,0	7,0	6,9	7,3
Франция	7,0	6,6	6,9	7,1	7,5
Испания	4,4	6,6	6,9	7,1	7,0
Италия	3,0	4,7	5,3	4,8	5,0
Развивающиеся страны					
Сингапур	9,3	9,1	9,4	9,3	9,4
Гонконг	7,1	7,7	8,0	8,0	8,3
Чили	7,9	6,9	7,4	7,4	7,3
Ботсвана		6,1	5,7	6,0	5,9
Ю. Корея	5,6	3,8	4,3	4,5	5,0
Бразилия	2,7	4,1	3,9	3,9	3,7
Индия	2,8	2,9	2,8	2,8	2,9
Индонезия	1,9	1,7	1,9	2,0	2,2
Кения		2,0	1,9	2,1	2,1
Нигерия		1,6	1,4	1,6	1,9
Страны с переходной экономикой					
Эстония		5,7	5,5	6,0	6,4
Венгрия	4,1	5,2	4,8	4,8	5,0
Куба			4,6	3,7	3,8

Окончание табл. 3

Страна	Год				
	1995	1999	2003	2004	2005
Беларусь		3,4	4,2	3,3	2,6
Чехия		4,6	3,9	4,2	4,3
Польша		4,2	3,6	3,5	3,4
Китай	2,2	3,4	3,4	3,4	3,2
Россия		2,4	2,7	2,8	2,4
Украина		2,6	2,3	2,2	2,6
Грузия		2,3	1,8	2,0	2,3

Высокая коррумпированность белорусских чиновников подтверждается и данными опросов, проведенных сотрудниками белорусского Института приватизации и менеджмента. По его данным, 77 % руководителей малых и средних предприятий изредка или постоянно дают взятки представителям органов власти [1, с. 39]. Возможностью неформально решить вопрос (ускорить процесс регистрации, получения лицензии, разрешения и т. д.) объясняется высокая приспособляемость белорусского бизнеса к существующей институциональной среде. Именно этим можно объяснить незначительное количество новых фирм на белорусском рынке, поскольку у старых фирм накапливаются нужные связи и контакты, которых нет у фирм-новичков. «Непрозрачность» ведения бизнеса характеризуют типичные и для России, и для Беларуси «откаты» – денежные вознаграждения за размещение заказа или сделки, которые, естественно, не отражаются в бухгалтерском учете и не облагаются налогами. Согласно оценкам 10 % фирм работают с «откатами» при каждой первой-второй сделке [1, с. 40].

Таблица 4

Криминологическая статистика по делам о получении взятки (ст. 430 УК Республики Беларусь)

Год	Зарегистрировано преступлений	Преступления, завершённые расследованием	Выявлено лиц, совершивших преступления
2001	645	421	157
2002	823	640	192
2003	930	803	335
2004	1 046	885	308
2005	896	957	313
2006	561	600	284

Таблица 5

Криминологическая статистика по делам о даче взятки (ст. 431 УК Республики Беларусь)

Год	Зарегистрировано преступлений	Преступления, завершённые расследованием	Выявлено лиц, совершивших преступления
2001	301	215	129
2002	318	289	156
2003	389	315	162
2004	357	347	161
2005	332	257	151
2006	413	388	187

В отличие от ситуации в России динамика выявленных коррупционных преступлений в Беларуси, по статистическим данным МВД Республики Беларусь, не только отстает от роста самой коррупции, но изменяется в противоположном направлении. Это особенно ярко видно по данным за 2001–2006 гг. (табл. 4, 5). Если верны оценки «Трансперенси интернэшнл», то в Беларуси в эти годы коррупция сильно возросла. Однако количество зарегистрированных коррупционных преступлений в эти годы снижалось, уменьшилось и количество лиц, привлеченных за эти преступления к уголовной ответственности.

Библиографические ссылки

1. Белорусский бизнес: состояние, тенденции, перспективы : аналит. отчет. Минск : Исслед. центр ИПМ, 2006.
2. Лунеев, В.В. Институциональная организованная преступность / В.В. Лунеев // Организованная преступность в России: философский и социально-политический аспекты : сб. материалов науч.-практ. конф. М., 1999.

3. Максимов, В.К. Коррупция : (социально-экономические и криминологические аспекты) / В.К. Максимов, Ю.Г. Наумов. М. : Акад. упр. МВД России, 2006.
4. Малкина, М.Ю. Взаимодействие государства и бизнеса в современной России / М.Ю. Малкина // Теневая экономика. Экономический анализ преступной и правоохранительной деятельности. 2006 / под ред. Ю.В. Латова. М. : РГГУ, 2007.
5. О защите конкуренции : Федер. Закон от 26.08.2006 № 135 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pomosch.com>.
6. Риджа, В. Каковы различия между коррупцией в Азии и в Африке? (реферат) / В. Риджа, А. Талвити // Экономика преступлений и наказаний / под ред. Ю.В. Латова. М. : РГГУ, 2005. Вып. 7 (1). Экономика коррупции.
7. Тимофеев, Л.М. Институциональная коррупция : Очерки теории / Л.М. Тимофеев. М. : РГГУ, 2000.
8. Трейзман, Д. Сравнительная характеристика коррупции в посткоммунистических странах (реферат) / Д. Трейзман // Там же. Вып. 7 (2). Экономика коррупции.
9. Экономический журнал Высшей школы экономики. 2006. № 1. Т. 10.
10. Юданов, А.И. Конкуренция: теория и практика / А.И. Юданов. М.: ГНОМ и Д, 2001.
11. <http://www.anti-corr.ru/awbreport/index.htm>.